

Александр
Мамоников

**МАЙОР, КОТОРЫЙ
МЕЧТАЛ УБИТЬ**

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Ранее книга выходила под названием
«Ярость возмездия»

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Майор, который мечтал убить / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2016. — 320 с. — (Тамоников. Честь имею. Лучшие романы о российских офицерах).

ISBN 978-5-699-91650-4

Во время войны в Чечне майор спецназа Павел Одинцов попадает в плен к жестокому полевому командиру по кличке Шерхан. Одинцову удается бежать, но воспоминания о пытках, которым он подвергся в плену, мешают службе, и майор увольняется в запас. Он возвращается в родной город и устраивается на работу охранником. Через несколько лет к Павлу приезжает сослуживец и предлагает отомстить Шерхану. Оказывается, банда полевого командира уже давно орудует не на Кавказе, а в центральной части России. Боевики Шерхана грабят, убивают, похищают людей. И вот теперь появился шанс их остановить. Павел сразу же соглашается. Он вдруг понимает, что все эти годы мечтал только об одном — убить Шерхана...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91650-4

© Тамоников А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2016

Все, описанное в книге, является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

За окном поста охраны офиса фирмы «Схом» скрипнули тормоза. Старший смены Павел Одинцов потянулся, бросив напарнику, Алексею Турову:

— Михалыч с Валерой приехали.

— Да, они, — подойдя к окну, сказал Туров. — И как ты, Паша, машину Смирнова узнаешь?

— По тормозам. Михалычу давно пора в сервис съездить и колодки сменить.

— А?!

— Иди, Леша, встречай смену.

Туров прошел в небольшое фойе, открыл двери. Вернулся с двумя мужчинами в черной форме охранного агентства «Звезда», охранявшего офис. Впрочем, это был один из десяти объектов, которыми занималась «Звезда».

— Привет, Паша! — пожал руку Одинцову Смирнов.

— Привет, Михалыч, когда колодки поменяешь?

Павел пожал руку и напарнику Смирнова, Валерию Уткину.

— Когда поменяю, — пробурчал всегда чем-то недовольный Михалыч, в прошлом прапорщик Советской армии, — времени все не хватает. Со службы на дачу, будь она неладна, жука обирать, огурцы поливать, а воду приходится из пруда носить, колодец как высох в год пожаров, так больше не наполняется. А до пруда метров пятьдесят, да вниз. Вот и бегаешь вверх-вниз с ведрами. Так набегаешься, что под вечер руки и ноги трясутся.

— Далась тебе такая дача! — заметил Одинцов. — Денег не хватает картофель и огурцы на рынке купить?

— Да по мне, гори они синим пламенем, так жена напрягает, для нее огород святое. С детства привыкла, чтобы свое в доме было, Ольга же у меня из деревни.

— Интересно, Михалыч, в военных городках вы тоже огород держали?

— Когда служил в Польше, нет, а в Союзе держали, небольшой, правда, но был.

— С тобой все ясно! Загонит тебя в могилу эта дача.

— Все там будем. Еще никто не жил вечно. Вот только срок у каждого свой.

— Что-то не по теме разговор завели.

— Это точно. — Смирнов повернулся к напарнику: — Ну, что стоишь, Валера? Пойди с Лешкой, проверьте территорию.

— Да все нормально, Михалыч, — проговорил Туров, — только что обходил.

— Положено при смене принимать объект? Значит, вперед на прием-передачу.

Молодые парни ушли. Смирнов, присев на стул рядом с Одинцовым, кивнул на монитор, который высвечивал картинку объекта:

— Спокойно ночь прошла?

— Спокойно, — ответил Павел. — Да и кому нужен этот офис? Тоже мне, банк какой. На складе только три стеллажа заняты, а в кабинетах, кроме канцелярщины, ничего нет.

— Менты наведывались?

— Подъезжали. Моргнули фарами. Я отмахнулся в окно, мол, все в порядке, и они уехали.

— А Скунс не приезжал?

Скунсом охранники называли начальника охраны фирмы Виктора Козина, от которого постоянно несло каким-то неприятным запахом. И вроде мужик как мужик, всегда во всем чистом, при галстукке, гладко выбритый, волосы вымыты, а запах издавал неприятный. Что-то похожее на смесь пота и одеколона «Шипр».

— Нет, Козина не было, — мотнул головой Одинцов.

— Повезло. Значит, сегодня в ночь припрется, проветривай после него комнату. Не знаешь, Паш, чего от него как от падали несет?

— Не знаю. Читал, в африканских племенах, что обитают в джунглях, люди с рождения имеют специфический запах. Но это для отпугивания насекомых, тварей всяких ползучих, ходячих и летающих.

— Но здесь не Африка, не джунгли, и Скунс — не абориген. Отчего же так воняет?

— Ты об этом у него спроси, — усмехнулся Одинцов.

— Ага! Он и без этого достанет. То монитор медленно переключается, то видимость ограничена, то печать не так висит.

— Пошли ты его, Михалыч, куда подальше, и все дела. Кто он для нас? У нас свое начальство есть. Объект защищен? Защищен. Все остальное никого из фирмы не волнует.

— Вообще скажу тебе, Паша, попали мы в хреновое место.

— Почему? — удивленно взглянул на Смирнова Одинцов. — Какая разница, что охранять? Главное, чтобы помещение поста нормальным было. Здесь все нормально, пульт, удобные стулья, электроплита, холодильник, кровать за ширмой, положенные часы поспать можно. Кондиционер. Правда, барахлит и почти не охлаждает, но это и к лучшему, не простудишься, а вентиляции достаточно.

— Да не о том я. Контора мутная. Мы тут уже месяц?

— Где-то так!

— Вот. А я до сих пор ни хрена не пойму, чем тут народ занимается. Слоняются туда-сюда, коробки какие-то носят, то на склад, то со склада, иногда грузят их в «пирог» — двухместную легковую машину с миниатюрной будкой. Да и народу — сам хозяин, главбухша, секретутка, которая не знает, куда свою выпуклую задницу примостить, да пятеро пацанов и девчат.

— Компьютерами фирма занимается, Михалыч.

— Ремонтирует, что ли?
— И ремонтирует, и собирает.
— А собирает зачем? В магазинах полно этих ящиков.

— Так в магазинах и стоит то, что собирается на фирме.

— Да ладно! Хочешь сказать, у пацанов с девчатами мозгов хватает компьютер собрать?

— Хватает, значит.

— А спутниковые тарелки на хрена?

— Михалыч, ты похлеще Скунса, — поднимаясь, усмехнулся Одинцов. — Ну, на хрена могут быть спутниковые тарелки? Чтобы устанавливать их клиентам. У тебя дома кабельное телевидение?

— Не-е. Предлагали, отказался, мне и балконной антенны хватает. Так надежней!

— Дремучий ты человек.

— Это вы, молодые, умные и мудрые.

— Не забывай, Михалыч, я тоже служил, к тому же старше тебя по званию.

— Ну, извините, товарищ майор, — не без сарказма ответил Смирнов.

— Извиняю.

В помещение вошли Туров и Уткин.

— Все в порядке, Михалыч, — доложил Уткин.

Одинцов выключил аппаратуру, вытащил кассету видеомэгнитофона с записью, вставил новую, щелкнул тумблером и сказал:

— Служи, Михалыч! — Затем положил отработанный видеоматериал в сейф, ключи бросил на пулт и пожелал: — Счастливо отдежурить.

Они с Туровым вышли на улицу. Несмотря на июль, с утра было прохладно. И вообще лето в этом году выдалось холодным, дождливым, хорошо, если неделю солнце светило, предоставив возможность горожанам полежать на пляже, поплавать в реке.

— Тебя домой подбросить? — спросил Одинцов у напарника, который был моложе его на восемь лет.

— Да нет, Паш! Мне недалеко, три остановки — и дома. Я на маршрутке. Приму душ, дерну пивка, перекушу, и бай! Люблю поспать.

— Ладно. Тогда давай высыпайся.

Одинцов пожал руку Турову, открыл дверь своей «семерки», сел за руль, вставил ключ зажигания. Машина завелась с полоборота. «Семерка» хоть и не новая, не престижная по нынешним меркам, но попалась хорошая. Работала как часы и за год ни разу не подвела отставного майора. Впрочем, на иномарку или машину поновее у Одинцова не было денег. Получал он неплохо, пенсия — двадцать две тысячи да двадцатка в агентстве. На одного вполне достаточно. Павел откладывал пенсию, за два года набежало под полмиллиона, на которые он купил доллары. Но вдруг открылась старая рана, пришлось лечиться. Места в госпитале не нашлось, а в больнице оставил половину из того, что откладывал. Там у него нашли столько болячек, что было удивительно, как он до сих пор еще топчет эту грешную землю, и положили в стационар. Полис Одинцов не приобрел, никогда раньше не обращался в поликлиники или больницы, поэтому

за все платил. Вернее, потом, когда лечение закончилось, счет выставили. Правда, и проблему сняли, осколок, что почти пятнадцать лет сидел в нем, вытащили. Две операции делали. В общем, сейчас в запасе у Одинцова было сто восемьдесят тысяч. А что на эти деньги купишь? Да и какой смысл менять проверенную, пусть и устаревшую машину на другую, не факт, что еще такую же в плане состояния? Никакого. Так что Одинцов обходился «семеркой». На скептические взгляды соседей по дому, владельцев крутых тачек, он не обращал ни малейшего внимания. Каждый живет так, как может, и так, как хочет. Хотя последнее спорно, в этом Павел имел возможность убедиться.

Жил он в квартире, которая осталась ему от матери Дарьи Петровны, отца Павел не помнил. Матери трудно было растить сына, и дело тут не только в мизерной зарплате учительницы начальных классов. С десяти лет мальчик большую часть своего времени проводил на улице, где старшие товарищи быстро научили его курить. В двенадцать лет впервые попробовал водку. До сих пор вспоминает, как его тогда рвало на крыше родной девятиэтажки. Пашка Одинцов катился вниз по наклонной, и сидеть бы ему в «малолетке», если бы не мать. Она уговорила сына пойти в Суворовское училище. Пашка тогда не думал, что значит учеба в училище, было просто интересно. Ну, и то, что суворовцы носят военную форму, которая ему с детства нравилась, сыграло не последнюю роль. Помог и военком. В общем, оказался Пашка Одинцов, как говорилось, в «кадетке», так произошел

перелом в его только начавшейся жизни. После Суворовского училища он был зачислен в военное училище. Учился неплохо, много занимался спортом. На стажировке познакомился с симпатичной девушкой Галиной, которая училась в университете. После выпуска сыграли скромную свадьбу. Казалось, вся жизнь впереди, счастливая жизнь, но... наступил 1995 год. Лейтенант Одинцов был направлен на Кавказ, всего на три месяца, в командировку. Галина осталась с матерью. Тяжелыми были проводы, обе словно чувствовали, что больше не увидят мужа и сына. Но сложилось несколько иначе...

Павел остановил «семерку» у супермаркета, недалеко от дома. Он всегда покупал продукты здесь. Затарился колбасой, пельменями, различными полуфабрикатами, хлебом, консервами, купил две бутылки водки, пару пива, сразу три блока сигарет, чтобы иметь запас и не бегать ночью в ларек, к тому же ларьки сейчас не продавали сигарет. Через полчаса с двумя объемными сумками, оставив машину за трансформаторной будкой, он поднялся на третий этаж, открыл дверь квартиры № 10 и оказался в такой родной и в то же время холодной двухкомнатной квартире, где все напоминало о матери. Павел не смог приехать на ее похороны, и на это были объективные причины. Потом успокоился. По крайней мере, он не видел мать в гробу и помнил ее живой. В обстановке, когда вернулся, ничего менять не стал, единственно, купил новые телевизор и холодильник да обзавелся стиральной машиной. В зале остались старая

стенка, диван, два кресла с узким журнальным столиком, такой же старый ковер, который сначала висел на стене, а потом был брошен на пол, когда держать его на стене стало неудобно. Шторы и тюль на окнах, открытый балкон. В его, а, вернее, в их с Галиной комнате вещи посовременнее, софа, платяной шкаф, трюмо с пуфиком, тумба с магнитофоном, двухкассетником, в свое время весьма престижным и уже с лотком для дисков. Бордовые обои на стенах, под них шторы, овальной формы ковер и картина над софой. Они купили ее на центральном рынке у какого-то местного художника, распродававшего свои «шедевры» за копейки. На кухне же так и остались навесные шкафы, стол и два стула. Раньше их было четыре. Но потом в двух, а теперь и в трех надобность отпала. Чтобы не занимать место в и так мизерной кухне, Павел отдал два стула соседу с первого этажа. На дачу. Ему же отдал старый холодильник и даже неработающий черно-белый «Рекорд». Сосед собирал все, на даче пригодится.

Сделав бутерброды и положив остальные продукты в холодильник, Одинцов открыл бутылку водки и распечатал пачку сигарет. Налил в рюмку сто граммов «Столичной», залпом выпил. Проглотив бутерброды, закурил. Подумал, что надо бы в эти два выходных дня съездить на кладбище. Почистить от сорняков могилу матери и наконец покрасить ограду, с весны собирался, да руки все не доходили. Значит, надо купить краску и пару кистей. Но это завтра. А сейчас душ и спать. Спать не хотелось, но Павел точно знал: стоит ему кос-

нуться головой подушки, как он тут же уснет и будет спать столько, сколько надо. Выкурив сигарету и приняв душ, Павел лег на софу в своей комнате. Сейчас он мог назвать ее только своей, как, впрочем, и всю квартиру.

Обычно Одинцов спал без сновидений, но сегодня было иначе...

...Граната разорвалась под самым окном комнаты дома, в котором закрепилась разведывательная группа Одинцова. Немного не докинул боевик смертоносный кусок металла. Из соседней комнаты в сад ударил пулемет, с левой стороны прогремела очередь автомата. Из коридора было слышно, как под грохот канонады связист группы рядовой Лунько вызывает командира роты. Он уже минут пятнадцать вызывал Клен, но не мог связаться с ротным. Одинцов, выступив из-за угла, дал короткую очередь в мелькнувшие у гаража силуэты. Раздался вскрик, кого-то молодой лейтенант все же подстрелил.

— Назар! Береги патроны! — крикнул он пулеметчику, рядовому Головину.

И тут же противоположная от окна стена вздыбилась фонтанами пыли от попадания пуль. Лейтенант вновь дал очередь в проем. Но в комнату вдруг вошли его оставшиеся в живых подчиненные, сержант Шеприн, рядовой Омельчук, рядовой Головин и рядовой Лунько. Они почему-то были в штатской одежде, в джинсах, кроссовках, майках и без оружия.

— Что все это значит? Идет бой, а вы? — удивленно посмотрел на них Одинцов.

В комнату влетели сразу две мощные оборонительные гранаты «Ф-1». До взрыва оставались секунды. Последние секунды жизни молодых парней, попавших на эту бестолковую войну...

Одинцов рывком сел на софе:

— Нет! Все не так!

Он очнулся и понял, что это всего лишь сон. Упав на мокрую простынь, проговорил:

— Все было не так! Все дрались до подхода... — И вдруг выругался: — Черт! Проклятая война, сколько еще она будет доставать меня из прошлого?

Тело Одинцова было покрыто липким потом.

Он подушкой протер лицо. Отдышался. Сон вызвал не только обильное потоотделение, но и сбой дыхания. Окончательно придя в себя, Павел поднялся. Посмотрел на часы. 18.40. Неплохо же он поспал, хотел встать раньше, но... проспал. Надо было завести будильник, тогда бы не приснился этот сон. Не вернулся бы он в события почти десятилетней давности.

Павел прошел на кухню, открыл холодильник, достал начатую бутылку водки, выпил в три глотка целый стакан и закурил, глядя в окно. Ему был виден двор, в это время заполненный гуляющими молодыми мамами, бабушками, стайками детворы разных возрастов, молодыми людьми, кучкой, громко смеясь, о чем-то разговаривавшими. Люди жили своей жизнью, и все у них было в порядке.

Одинцов вздохнул, затушил окуроч, оделся в спортивный костюм и вышел на улицу. Быстро, не привлекая внимания, миновал двор, у кафе